

Сергей Прокопьев

16+

ЯБЛОКИ ДЛЯ ПАТРИАРХА

Сергей Прокопьев
Яблоки для патриарха

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Прокопьев С. Н.

Яблоки для патриарха / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Апокалипсис гласит: в последние три с половиной года века сего будет дана власть сатане – «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его». Как жить, не поклонившись дьяволу, без его знака на челе? Современный святой Паисий Святогорец говорит: жить, возделывая клочок земли, имея козочку, курочек. Герой повести, молодой православный мужчина, провел эксперимент. В медвежьем углу купил дом, завёл скотину. Бывали периоды отчаяния, и всё же четыре года провёл в работе, в постоянной молитве, вдали от цивилизации и ближе к Богу.

Содержание

Глава первая	6
Встреча на православной ярмарке	6
Глава вторая	12
Крещение Валеры	12
Глава третья	15
Батюшка Антоний	15
Глава четвёртая	17
Молитва за самоубийцу	17
Глава пятая	19
Поиск места	19
Глава шестая	22
Андрюшин крест	22
Глава седьмая	24
Жили у бабуся два весёлых гуся	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Прокопьев

Яблоки для патриарха

Входите тесными вратами,
потому что широки
врата и пространен путь,
ведущие в погибель, и многие идут ими.

Евангелие от Матфея (7:13)

Глава первая

Встреча на православной ярмарке

В нашей кипучей жизни православная ярмарка – явление, которое не могу назвать ординарным. Есть митрополиты, наложившие запрет на проведение подобных мероприятий в границах своих митрополий. Дескать, вера и торговля – несовместимые понятия, Господь Иисус Христос изгнал торговцев из храма, а мы пытаемся запрячь в телегу коня и трепетную лань, духовность и товарно-денежные отношения. Вступать в горячий спор по данной теме не имеет смысла, безусловно, торговля есть торговля, она живёт по закону выгоды, и ничего тут не попишешь. Где деньги, там имеет место быть неприкрытая корысть, да и мошенничество, которого не удалось избежать православным ярмаркам, вплоть до пребывания на них псевдомонашествующих.

Однако для многих верующих православная ярмарка – это праздник с благодатной, духоподъёмной атмосферой, праздник, окрыляющий и надолго запоминающийся. Столько святых из самых дальних краёв, из разных церквей и монастырей собираются на маленьком пятачке – мощевики, чудотворные иконы. А сколько батюшек и монахов, братьев и сестёр во Христе притягивает к себе ярмарка, сколько сердечных встреч... Городская суетная жизнь разъединяет нас, ярмарка даёт возможность пусть мимолётно да увидеться с дорогими людьми, прикоснуться к их душам. На настоящей православной ярмарке это перевешивает товарно-денежные устремления...

Во всяком случае – для меня. Так получилось, что православные ярмарки одарили ещё и героями рассказов. Как-то, подавая церковные записки, разговорился с женщиной, она доложила, что читала мою книжку, ей тоже есть что порассказать. Взял телефон. Месяца через два решил позвонить. Скорее – для очистки совести. Почему-то думалось, навряд ли будет результат. Что-то смущало. Казалось, это случай, когда после минутного порыва начнутся сомнения «стоит ли, ведь это сугубо личное», «вдруг батюшка не благословит». К радости, я ошибся. В корне ошибся. Женщина оказалась с интересным путём к Богу, памятливая. После бесед с нею написал несколько рассказов, а, кроме того, Тамара Петровна, назовём эту женщину так, познакомила со своими подругами, сёстрами во Христе, которые тоже внесли лепту в мою творческую копилку.

С прообразом героя данной повести тоже познакомился на православной ярмарке. В день открытия приехал под вечер. Планировал заскочить в первый раз на полчаса. Встретил знакомого, с полгода не виделись, минут пять поговорили, к нему подошёл мужчина с бородой, ясными глазами, мы пожали друг другу руки, представились. Он назвал себя... Пусть будет Валерием, по имени героя нижеследующей повести. У моего знакомого зазвонил телефон, он отошёл, мы с Валерием остались вдвоём и проговорили минут сорок.

Он вызывал интерес уже тем, что не пользовался Интернетом, не смотрел телевизор. При этом оставался прекрасно осведомлённым об основных событиях в мире и в церковной жизни. Не было у Валерия ИНН...

«К таким, как я, когда-то относились как к людям весьма своеобразным, – говорил Валера. – Ещё не было решения архиерейского собора 2013 года. Ещё не выступил патриарх Кирилл в Госдуме по поводу распространения электронных технологий. Не был канонизован самый почитаемый (и самый читаемый) в США, Европе и России святой Паисий Святогорец. Великий афонский старец постоянно говорил, что внедрение электронных технологий ведёт к тотальному контролю и управлению населением, говорил об опасности создания единой базы, собирающей в себя данные всех жителей Земли. Говорил о последних временах, ведь электрон-

ная идентификация личности ведёт в конечном итоге к нанесению печати антихриста: в тебя вводится микрочип, и готово. Ещё не был канонизован архимандрит Гавриил (Ургебадзе), не появились книги о нём и с его предостережениями о наступлении последних времён. Об этом же говорил архимандрит Кирилл (Павлов), который был духовником патриарха Алексия II, об этом предупреждал архимандрит Иона Одесский (Игнатенко)».

Валерий купил дом в далёком таёжном районе и провёл эксперимент над собой, пять лет учился жить на земле, от земли.

Мы отгоняем от себя мысль о последних временах. Большинству из нас представляются кликушеством разговоры о том, насколько опасно введение поголовной электронной идентификации. Хотя в уже существующих идентификационных номерах почему-то присутствует знак, о котором предупреждает Апокалипсис, – знак зверя. Нет никакой технической надобности, о чём говорят специалисты и что подтвердил своим постановлением синод Русской православной церкви, наличия трёх шестёрок в повсеместно распространённых штрих-кодах, однако они внедрены и «тупо» отстаиваются.

Можно сказать: ну и что? Зато как удобно – один документ на все случаи жизни: паспорт, банковские счета, права, отпечатки пальцев и так далее. Ещё как удобно. Только не для одного тебя. Недавно пришлось столкнуться с таким явлением. Был долг по коммунальным платежам. Как говорится, нашла коса на камень. Раз вы не делаете своё, я не буду платить. А через полгода пять тысяч были просто сняты с моего счёта. Без вызова в суд, без повестки, без какого-то исполнительного листа. Оказывается, уже есть закон, согласно которому можно вот так запросто залезть в твой карман.

Получается, отнюдь не теоретически-кликушеские размышления, что в один момент могут быть обнулены по какой-то причине твои счета. Или «сбой на линии». Его могут устроить мошеннически грамотные спецы, да и техника может подвести. И тут имеются печальные примеры. Гражданин вдруг обнаруживает, с его карты сначала в магазине сняли за реальную покупку, а завтра ещё раз ту же сумму списали за виртуальную покупку, якобы из-за «сбоя на линии». И бегай потом и доказывай, что ты не верблюд, не осёл и никакое другое лопухое животное – ты жертва, которая жаждет вернуть свои кровные денежки, а не так-то просто это сделать – в виртуальном мире всё иллюзорно, в нём за руку мошенника зачастую бывает невозможно схватить.

Человек так устроен, читая о подобном, думает, «как не повезло товарищу», и уверен, на него кирпич не упадёт. Гонит от себя коварную мыслишку: будучи объектом создаваемой информационной сети, в один момент может оказаться в ситуации, соответствующей фразеологизму «остался гол как сокол». Нажатие нескольких кнопок на клавиатуре, и ты без денег, без работы, без медицинского обслуживания, без возможности перемещения на дальние и на близкие расстояния. Ты – никто. Как пелось когда-то: «Песня грустная такая слышится далёко где-то, на щеке снежинка тает, вот она была, и нету». Шутники пели: «Вот была щека, и нету».

Интересен опыт хитромудрых англосаксов, которые недавно взяли и вышли из Европейского союза. Дескать, нам такой колхоз не глянется вовсе. А ещё раньше в Великобритании (а уж эту страну мы считаем уж какой продвинутой) на законодательном уровне сказали «нет» поголовному введению универсальной электронной карты, которая вбирает в себя всё и вся о гражданине, и отказались от банка персональных данных на всех жителей страны, соответствующим образом пронумерованных. Поначалу заинтересованные структуры принялись активно собирать в одну копилку информацию о гражданах Великобритании «прежде всего для их удобства», да британцы заставили пойти на попятный активистов-глобалистов, единая база данных была уничтожена. Не захотели консервативные жители Соединённого Королевства облегчать своё пребывание на матушке-земле навороченными информационными технологиями. Мол, извините-подвиньтесь, мы уж как-нибудь по старинке с привычными документами, удостоверяющими личность англосакса, а также правами, медицинскими картами,

анкетами и так далее будем жить-поживать да добра наживать. Не приглянулся им вариант, когда всё валится в одну кучу...

В Апокалипсисе Иоанна Богослова сказано: «Нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число его». Ты согласился иметь начертание, отступив от Бога, и сделался полностью зависимым, значит, и управляемым. Технически всё готово, разработаны и производятся микрочипы, они уколom вводятся под кожу (уже есть примеры практики на фирмах вместо карточек-ключей). Ты получаешь уникальный номер, он начертан на микрочипе. Собственно, уникальный номер уже имеется – СНИЛС. Можешь при желании сменить имя, фамилию и даже пол (не дай Бог), но не СНИЛС. С микрочипа информация (помимо твоего желания-нежелания) записывается, считывается, стирается... Под контролем и управлением все твои данные – от денежных вкладов до медицинских показателей. Вся подноготная в единой глобальной базе, где вместо твоего имени – номер. Недавно почивший архимандрит Кирилл (Павлов) говорил, что Бог почему-то первого человека Адамом назвал, а не «225» и Еву тоже цифрой не обозначил.

Приходит на память повесть замечательного писателя Виктора Астафьева «Последний поклон», эпизод из главы «Пеструха». Повесть автобиографична, её герой, парнишка Витя, вспоминает доколхозное, довоенное детство, а в вышеназванной главе рассказывает о бабушкиной корове Пеструхе, которая была неотъемлемой частью их семьи. Много в жизни крестьянского дома завязывалось на корову, весь годовой цикл ведения хозяйства так или иначе был связан с ней. Корова не только кормила, одевала (молоко, масло возили на продажу в город), она учила сердечности, любви, воспитывала чувство ответственности за тех, «кого приручили». Писатель описывает, как детвора набилась в стайку к корове, чтобы посмотреть три дня назад родившуюся тёлочку, а ещё – придумать ей имя под руководством бабушки героя. Задача не из простых. Предстояло не просто выбрать первое попавшееся имя, имелось жёсткое условие: оно должно быть оригинальным для данного двора, и коров с таким здесь ранее не водилось. А так как бабушка с дедушкой героя жили долго на белом свете, не так-то просто было найти решение. Отвергались Ласка, Звёздочка, Мушка, Полька, Манька. Шум стоял в стайке, наконец определились – Пеструха. Тёлочка с «длинными, узластыми ножками, со светлыми, будто игрушечными копытами», со звёздочкой-проталинкой во лбу обрела имя. Не во всём счастливо сложилась жизнь Пеструхи. В один момент свели её со двора в колхоз, где не захотела доиться чужим людям и пошла под нож.

Бабушку героя, Екатерину Петровну, трудно с первого взгляда назвать праведницей, и всё же в глубинном понимании, безусловно, праведница. Господа Бога по своей горячности могла не один раз на дню всеу упомянуть. Но ни одного дела не начинала, не испросив Божьего благословения, не сотворив (пусть в иной раз и поспешную) молитву. Дойка коровы – ритуал для каждой хозяйки. Два существа входят в гармонию друг к другу. Разве не таинство, когда мать кормит ребёнка грудью. Ведь не просто продукт под названием «материнское молоко» (его можно разложить на десятки столь нужных для организма химических ингредиентов) вливается в чадо. Две души, два сердца касаются друг друга, обмениваясь волнами нежности, благодарности, любви, радости... Если у мамы на сердце беспокойно, непокойным становится ребёнок. Хозяйка, даже из нерадивых, прекрасно знает, лучше к корове с руганью, матами не подходить – добра не будет. Как говорится, себе дороже. Ты уж постарайся оставить за дверями стайки гнев, раздражённость или хотя бы держи их в себе, не выплёскивай наружу. Бабушка героя Виктора Астафьева, женщина мудрая, хотя по складу характера огонь, вихрь, скорая на слово осуждения и на подзатыльники неслуху внуку, прилаживаясь доить корову, творила молитву «Во благословение стада»: «Владыко Господи Боже наш, власть имеяй всякия твари, Тебе молимся, и Тебе просим, якоже благословил и умножил еси стада патриарха Иакова, благослови и стадо скотов сих раба Твоего Ильи, и умножи, и укрепи, и сотвори е

в тысящи, и избави е от насилия диавола, и от иноплеменник, и от всякаго навета врагов, и воздуха смертнаго, и губительнаго недуга: огради е святыми ангелы Твоими...»

«После такой складной молитвы, – пишет Астафьев, – которую дети повторяли за бабушкой, шевеля губами, всё стихало, умиралось, привычным, почти торжественным ожиданием. И ожидание это разрешалось слабым звоном...» Первые струйки молока били в дно подойника, который отзывался весёлым вкусным звоном. Окончив доить, бабушка ласково хлопала корову по крупу: «Благодарствую тебя, доченька, спаси тебя Бог».

В завершение своего рассказа о Пеструхе вспоминает автор, как побывал он однажды с группой литераторов в образцово-показательном скотокомплексе. Где всё было механизировано, от кормления, поения, дойки до удаления продуктов жизнедеятельности бурёнок. Но не было там Маек, Пеструх, Рыжух и Полек. Все коровы были под номерами.

Пусть обращение к Астафьеву останется лирическим отступлением, ассоциативной прихотью автора. Вернёмся к нашим баранам. Кто сказал, что данные, накопленные о тебе под твоим номером, не могут попасть непонятно к кому. Даже не по той причине, что всё тайное становится явным, а потому, что всё продаётся, а многое и ворует. Как тут не привести слова одного ироничного критика чипизации: «Я бы ещё согласился, чтобы влиятельные люди США, Англии или Европы имели на своих сверхсекретных компьютерах информацию по факту моей финансовой состоятельности, что живу я, простодыра, от зарплаты до зарплаты. Тут не обеднею, но на кой ляд им знать о моём чирье, вскочившем в неприглядном месте – на заднице, которую я заодно с фурункулом, стянув штаны, демонстрировал врачу женского пола? Чтобы данной интимной подробностью шантажировать меня и вербовать в тайные агенты?»

Кстати, об иронии. С Валерием мы не только поднимали глобальные темы глобализма, извините за тавтологию, но и посмеяться успели, коснувшись темы «проделок хозяина тайги в медвежьих углах».

Валера оказался человеком со здоровым чувством юмора, отсутствие которого всегда настораживает. Поделился случаем, происшедшим с охотником из той деревни, в которой он жил пять лет. Этакая трагикомедия в таёжном интерьере.

Пришёл в церковь никогда её не посещавший охотник Боря Коровин. Средней комплекции, средних лет и среднего роста мужичок пришёл в храм заказать благодарственный молебен. Жена отправила. Боря, надо сказать, не сопротивлялся, по той причине, что произошёл с ним чудесный случай.

Будучи в тайге, Боря решил укрыться от начинающегося дождя в дупле. Раньше оно ему на глаза не попадалось, а тут в самое подходящее время увидел дерево в два обхвата с дуплом метрах в трёх от земли. Последнее обстоятельство не остановило Борю, силушка в руках имелась, благо ниже дупла торчали остатки толстых обломанных сучьев. По ним легко взобрался на нужную высоту, затем, ухватившись за толстую ветвь, росшую над отверстием, подтянул ноги и начал опускать их в чрево дерева. Тут-то рука незадачливого охотника возьми и соскользни с мокрой ветки, после чего он полетел в темноту. Полёт продолжался всего ничего, и приземление было не жёстким. Однако Боря сразу оценил своё положение как аховое. Оказался в трубе диаметром ненамного поболее ширины его не узких плеч. Книзу труба расширялась, но Боре хотелось двигаться в другую сторону. Скоб, конечно, никто не набил для выхода наружу. Более того, стенки дупла ровненькие, никаких выступов и выемок, а отверстие, ведущее к освобождению, высоко над головой. Руками не достанешь и не допрыгнешь.

Называется, переждал один дождик. Как бы это ни выглядело забавным, но охотник и таёжник Боря ножа при себе не имел. Тот случай, когда одна беда не ходит. Выскочил на свои уголья в межсезонье на пару дней, проверить, что да как, а главное – избушку подремонтировать. С избушкой справился быстро, крышу подлатал, дверь подогнал, а потом решил пробежаться по участку. Второпях, имелась в Боре такая особенность (знатоки человеческой сущности объясняют её наличием острого шила в заднем месте) – излишне скор на ход, голова

ещё в раздумьях, а ноги уже включили пятую скорость. По этой причине Боря забыл нож в избушке. Установку себе давал, это он хорошо помнил: не забыть захватить нож. Использовал его за трапезой в качестве кухонного – сало да хлеб резал. Установкой всё и окончилось, зато-ропился обернуться дотемна, сразу после обеда подхватился бежать и забыл про столь необходимый в тайге предмет. Будь при себе нож, начал бы углубления ковырять в стенках дупла, чтобы ноги ставить, восходя наверх. Да нет ножа, а зубами ступеньки к свободе не выгрызешь. Случись такой капкан в деревне, на помощь позвал бы, здесь хоть зазовись – до деревни более двадцати километров.

Попавший в ловушку охотник взмолился: «Господи, если ты есть, помоги выбраться, надоумь, как это сделать!»

Вдруг раздался шум снаружи, явно не ветром производимый. В Бориной темнице без того было сумрачно, тут свет начал меркнуть. В дупло проворно опускалось что-то лохматое. Оно коснулось Бориных рук, воздетых к небу. «Медведь», – определил Боря на ощупь и, недолго думая (когда тут думать?), вцепился обеими руками в шкуру хозяина тайги и дупла... Позже, когда ситуация разрешится, сделает логический вывод: вот кто отполировал стенки дупла шкурой.

Посмотрим на драматическое событие другими глазами, представим себя на месте медведя. Лез Михайло Потапыч домой в благостном настроении, ему удалось ловко обмануть разыгравшуюся непогоду, вовремя успел восвояси вернуться. Дом он и для лесного жителя самое распрекрасное место. И вдруг из нутра этого самого дома за твою шкуру кто-то хватается. Мёртвой хваткой за самое незащищённое место... Ракетой-носителем медведь вынес Борю из заточения. «Спутник», оказавшись на орошаемой дождём свободе, вовремя расстыковался, разжав пальцы... Это не остановило лохматую «ракету», она, набирая скорость, понеслась в чашу.

«Он должен был тебя обязательно обделать!» – смеялись односельчане.

«Ничего подобного, – отнекивался Боря. – Не успел, настолько быстро всё произошло! Может, медвежья болезнь позже открылась».

Но ему не верили по поводу позднего открытия медвежьей болезни.

Как бы там ни было, Боря пришёл в церковь, едва не первый раз в жизни, и заказал благодарственный молебен.

Когда Валера покупал дом в деревне, у хозяина спросил:

- Медведи водятся поблизости.
- А чё мы хуже других! Есть, конечно!
- Далеко? – поинтересовался Валера.
- Зачем далеко, за деревней.
- Охотники стреляют?
- Зачем? На петлю ловят.

Они, оказывается, и соболя в ловушки ловят, и медведя, на петлю, как зайца почти.

Приманку, добрый кусок мяса с запахом, особым образом устанавливают. На неё медведь идёт, не может устоять, ну и лезет на свою погибель и попадает в петлю из стального троса. Валера не был свидетелем, охотники рассказывали, издалека видно, если попадётся – деревья ходуном ходят. Само собой, медведя в петле застрелить куда проще, чем когда один на один с ним столкнёшься на узкой лесной тропке. Можно даже промазать раз-другой, ранить и не опасаться, что поломает в два счёта. И прицеливаешься, как в тире.

Но не всегда. Как уж тот охотник целился, или самоуверенно навскидку бабахнул, пуля точно угодила в трос. Медведь, обретя неожиданную свободу, рванул со всех лап...

Его оппонент тоже не остался на месте, дунул со всех ног. Благо, каждый, прежде всего, о себе любимом думал, охотник и жертва (которая неожиданно сама получила возможность

заняться охотой, но не воспользовалась ею) помчались в разные стороны. Обошлось без ненужных смертоубийств, но с медвежьей болезнью у обоих оппонентов.

Глава вторая

Крещение Валеры

Современные православные России отличаются тем, что едва не у каждого второго своя история крещения. Это в царской России крестили в несознательном младенчестве, герою таинства нечего вспомнить о данном событии. Только и всего, если родители впоследствии расскажут что-то интересное о дне обретения чадушкой Ангела-хранителя. К примеру, такой случай. Было это в далёкую дореволюционную пору. Папаша после крещения на радостях так разогнал лошадь, что на вираже новоиспечённый православный христианин под воздействием центробежной силы покинул сани и улетел в сугроб...

Если идти по порядку, в той истории роды были непростые, мамаша по болезни в церковь поехать не смогла, отец запряг лошадь, положил в сани сына, по дороге прихватил крёстных. Деревенский батюшка совершил таинство, крёстная завернула младенца, тот, угревшись, сразу заснул. Видя, что младенец голода не испытывает, мамки не требует, крёстная пригласила кума к себе отметить событие. Младенцу, само собой, ядрёной медовухи наливать не стали, зато восприемники и папаша выпили в ознаменование торжества. После чего родитель повёз сына домой, а по дороге случился казус с виражом и полётом младенчика за борт розвальней. Кстати, малыш так крепко заснул в церкви после крещения, что потом ни разу не пикнул у крёстной, пока крёстные выпивали за его здоровье, сладко почивал в скользящих по зимней дороге санях, укутанный в одеяльце, не вякнул, вылетая из оных и приземляясь на пушистый снег. Отец обнаружил пропажу только у ворот дома, в панике развернул лошадь, погнал её во весь опор на поиски сына. И нашёл того мирно сопящим. Сынуля продолжал преспокойненько спать, вдыхая морозный воздух.

У нашего героя своя история. До школы рос на попечении бабушки и дедушки. Имелась у последних ещё и внучка, однако внук Валерий для дедушки Ильи – статья ни с чем не сравнимая. Бабушка смеялась, рассказывая, когда соседка, работающая в роддоме, принесла весть о рождении внука, дед подскочил с лавки и со словами: «Унук! Унук!» – забегал по комнате. Почему сорвалось с его языка непонятное «унук», сам не знал. Есть предположение, хотел выплеснуть восторг громким «у меня внук!», да от великой радости фраза спрессовалась до неологизма «унук». Что «унук», что дед души друг в друге не чаяли. Солдат Великой Отечественной войны дед учил внука военным песням. Среди них «Священная война» пользовалась особым почитанием. Валера исполнял марш на подъёме, его высокий голосок взмывал под самые небеса на словах:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

Затем сжимал пальцы правой руки в кулачок, размахивая им в такт, с суровым лицом пел:

Идёт война народная,
Священная война!

Пелось это на сцене, коей служила табуретка. Внук громко и звонко исполнял марш от начала и до конца, затем прыгал на пол, причём делать это следовало по условиям представления громко, после чего бабушка с дедушкой устраивали солисту «бурные аплодисменты».

В спальне на комодe стояла у них цветасто разрисованная, блестящей глазурью облитая керамическая крынка, служила она шкатулкой – в ней хранились медали деда. Валера любил нырять в крынку рукой, доставать боевые награды, прицеплять их к рубашке, а потом с гордо выпяченной грудью ходить при медалях с бабушкой в магазин и на колодец.

Дед работал кладовщиком на току. Время от времени брал внука с собой. Придёт домой на обед, поест, покурит, спросит:

– Есть настроение помочь деду?

Настроение было из десяти раз десять – идти с дедом. Они выходили за калитку, дед водружал внука на плечи, и они двухэтажно шли по селу. У деда в его маленьком кабинете в специальном ящике хранились респираторы и защитные очки на резинках. Внук обязательно доставал очки, просил деда подогнать резинку. Это мало помогало, окуляры плохо держались на белобрысой с торчащими ушами голове, приходилось Валере задирать её высоко вверх, постоянно придерживая очки рукой. Весной дед с внуком ходили в степь «выливать сусликов». Дед из ведра лил воду в нору, и, когда мокрый суслик, убегая от потопа, высывался из соседней норки, Валера, охваченный охотничьим азартом, визжал от радости.

Умер дед неожиданно. От войны остался у него в локте осколок. Валера любил вечером залазить на кровать к деду. Кровать была с никелированными спинками и большой периной. Валера умащивался у стены и просил потрогать осколок. Водил пальцами по руке деда, нащупав инородное тело, шептал:

– Ага, вот! Не болит?

– Мы с тобой мужики, – говорил дед, – должны терпеть. А сильно заболит, врачи подлечат.

Отправляясь в тот раз в больницу, дед наказал внуку:

– Я пару неделек полечусь, разнылись мои раны. Ты за мужика-хозяина остаёшься, и чтобы всё было в ажуре!

– Будет в абажуре! – уверенно принимал пост внук. – И ты давай в абажуре!

В больнице дед пролежал дня четыре, вдруг потерял сознание и впал в кому.

Валера не отходил от гроба. Плакал, не верил – дедушки больше не будет. Недавно копали червей в огороде, ходили на рыбалку, а теперь дед лежит неподвижно.

После похорон бабушка робела ночевать дома. Каждый вечер собирала внука, и они шли к «другой Тасе», так называл Валера свою прабабушку, её, как и бабушку, звали Тасей. Другая Тася жила в землянке, крыша которой летом зеленела травой. Землянка была просторной, на две большие комнаты. У Валеры с четырёх лет имелось послушание, каждое утро бабушка, подоив корову Майку, давала литровую банку парного молока, отнести «другой Тасе». За что всякий раз получал от «другой Таси» конфетку. В землянке царил таинственный сумрак, вкусно пахло сухими травами, в углу стояли иконы, горела лампадка. Одна из тех икон – Казанская Божья Матерь – сегодня главная святыня домашнего иконостаса Валерия. Образ редкого письма – Богородица ликом схожа с Филермской Божьей Матерью, которую согласно церковному преданию апостол Лука написал при земной жизни Девы Марии, повторив черты молодой Богородицы.

У «другой Таси» имелась самопрялка с педалью, её разрешалось Валере понажимать. На стене висели большие часы в футляре с двумя гирьками и золотистым маятником. Циферблат был в футляре, а безостановочно ходящий из стороны в сторону маятник вне его. Валера был счастлив, если ему разрешали подтянуть гирьки.

День на четвёртый или пятый после похорон деда Валере приснился сон. Кто-то взял его под заунывный колокольный звон на руки и понёс по землянке «другой Таси», мимо часов, мимо прялки, мимо икон... От рук исходила нежность, любовь, тепло. Они пронесли Валеру по землянке и с превеликой осторожностью положили на кровать. Сон на всю жизнь врезался в память... И колокольный звон, и эти заботливые руки...

Утром Валера бодро доложил бабушке – кто-то носил его по землянке под колокольный звон. Кто он, не видел, но было совсем не страшно.

Бабушка от радостного доклада внука пришла в великое волнение, запричитала: «Дед хочет забрать тебя к себе! Он страшно любил тебя, хочет забрать к себе!»

Бабушка и причину сна, не задумываясь, нашла, и радикальное средство защиты, чтобы сон не стал вещим, тут же обнародовала: в срочном порядке крестить внука. Схватила его в охапку и повезла за сто километров в районный центр.

Батюшка был с чёрной густой бородой, первым делом спросил Валеру:

– Креститься умеешь?

Валера уверенно кивнул головой:

– Да!

– Ну-ка, ну-ка покажи!

Валера одним пальцем изобразил что-то мало похожее на крестное знамение. Батюшка, улыбаясь в бороду, стал учить креститься. Потом задал архитрудный вопрос:

– Бабушку слушаешься?

Валера обречённо повесил голову.

Бабушка засмеялась:

– Прутиком вчера попало по мягкому месту. Двух цыплят придушил.

Батюшка после крещения повёл Валерия в магазин и вручил большой кулёк шоколадных конфет:

– Держи, только бабушку не забудь угостить.

Валера сказал «ага», ловко прижал кулёк локтем левой руки к животу, запустил в него правую, молниеносно развернул одну за другой две конфетки, разом засунул в рот, а после этого протянул кулёк бабушке – угощайся.

После крещения бабушка начала учить его молитвам. Немного было таковых в её арсенале: «Отче наш», «Богородица», «Царю Небесный»... Первым делом освоил Валера «Отче наш». С той поры бабушкин урок на всю жизнь вошёл в привычку, прежде чем ложиться спать, Валера читал Господнюю молитву. Прочитает, перекрестится и в кровать.

Так что дед своей смертью ускорил крещение внука. Кто его знает, когда бы оно произошло. До школы Валере оставалось всего ничего, а так как мама его учительница, о церкви и разговора быть не могло...

Первый раз причастился Валерий и исповедался в двадцать лет. Друг назначил его свидетелем на своей свадьбе с венчанием, перед которым батюшка велел всем участвующим в таинстве исповедаться и причаститься. После свадьбы Валера несколько раз причащался без подготовки и исповеди. Приходил на литургию, выстаивал службу от начала до конца, упрямства ему не занимать, и подходил к Чаше. Рассуждал: раз люди идут, значит, так положено.

Глава третья

Батюшка Антоний

На литургию Валера ходил в кафедральный собор, почему и удавалось причащаться по принципу «все побежали, и я побежал» – без подготовки. Народу много, исповедь принимали несколько священников, очередь к Чаше длинная, за всеми не уследишь. Тем более вид у Валеры серьёзный, представительный.

Всё изменилось, когда в двух кварталах от его дома в бывшем детском садике освятили церковь Святого Духа. Отец Димитрий служил в ней один и сразу вычислил «партизана».

– Вы исповедовались? – спросил Валеру, когда тот со скрещёнными руками подошёл к Чаше.

– А зачем?

– Утром вкушали?

– А как же.

К причастию батюшка, само собой, Валеру не допустил и попросил подойти после службы. С того момента под руководством батюшки Димитрия началось у Валеры воцерковление. Однажды батюшка сказал на очередной Валерин вопрос:

– Не знаю, что ответить. Тебе нужен монах, опытный в ведении духовной брани. Предлагаю к старцу обратиться.

– А это кто такой?

– Есть монахи, молитвами которых города стоят, думаю, батюшка Антоний из них.

Так Валера узнал о существовании иеромонаха отца Антония.

Батюшка Димитрий привёл Валеру к нему, познакомил и оставил наедине.

Валера поведал батюшке о себе и начал задавать вопросы. Ответы получал доходчивые и убедительные. В частности, Валера пожаловался на кошмары, которые донимали его по ночам. Жизненная ситуация была такой, что работал в двух местах, когда и отдохнуть, как ни ночью, а там бесовщина. Отсюда постоянный недосып.

Батюшка Антоний заулыбался:

– Какой хитрющий враг! Когда ему служил, он тебя не трогал, стоило пойти наперекор – накинуся. Тут, мой дорогой, или-или. Встал на тропу войны, будь готов к борьбе. Думаешь, враг обрадовался, что курить ты бросил. Столько лет рукоплескал каждой твоей сигарете, а ты лишил его фимиама. Где ж ему быть довольным! Начал менять образ жизни, он и забеспокоился, засуетился: кормился преспокойненько твоими грехами, вдруг трах-бах – садишь его на голодный паёк.

«Батюшка взялся ставить меня на лыжню, – рассказывал Валера, – я находился в прелести, за несколько месяцев до этого усвоил неправильный образ молитвы. Отцу Димитрию почему-то не рассказывал об этом. Встаю на молитву и представляю в уме «Бога». Именно в кавычках. Началось с того, что приснился огромный с девятиэтажный дом старец. В светлых одеждах, наподобие священнических, с украшениями, седовласый, серьёзный взгляд, а в руках меч. Меч протягивает мне. Молча. Я беру. Воспринял вручение меча, как посвящение в воины Христовы. С того сна молился этому старцу. Становясь на молитву, воспроизводил в уме образ «Бога» и обращался к нему. Собственно, напрягаться, для вызова портрета старца, не надо было. Стоило вспомнить о нём, тут же вставал перед внутренним взором во всей огромности. Под рукой всегда находился. Воспринимал эту оперативность с гордостью, подтверждением факта – я избранный воин Иисуса Христа. Пока однажды не случился шок: молюсь старцу, а из-за его головы с левой стороны дьявольская рожа высовывается. Ни с чем не спутаешь.

Отвратительная образина – рожки на лысой голове, в глазах злорадство, мол, как я тебя. Мне бы понять, что к чему, я истолковал увиденное в свой адрес: какой же я распоследний грешник, если самое святое бес поганит».

Батюшка объяснил, Бог как раз и показал, чьи руки «божественный образ» рисуют в голове, кто «старца» подсовывает раз за разом.

Около часа длилась первая беседа с батюшкой. Валера высказал наболевшее, ответы получил, собрался было прощаться... Тем временем к батюшке одна за другой стали бабушки заходить. Благословение берут, на диван по-деловому садятся. Сразу видно, не первый раз здесь.

Батюшка предложил Валере:

– Сейчас молиться будем, присоединяйся.

Перспектива молиться в такой компании у Валеры энтузиазма отнюдь не вызвала. Зачем он, молодой мужчина, станет с бабушками-старушками поклоны бить? Резво сиганул к двери с торопливым объяснением «пойду, ещё в одно место надо успеть». Батюшка мягко повторил:

– Валера, ты помолись-помолись с нами. Почитаем акафист иконе Божьей Матери «Всецарица».

«Поспешно ботинок зашнуровал... – вспоминает Валера первую встречу с духовником. – Никогда не забуду то состояние, тот резкий переход, когда мгновенно на сто восемьдесят градусов всё во мне повернулось – только что топорщился, противился, не соглашался молиться с бабушками, вдруг, будто на меня ведро отрезвляющей воды вылили, и сразу на душе сделалось легко, хорошо, желание быстрее-быстрее выскочить на улицу исчезло. Расшнуровал ботинок... Понимаю, батюшка за меня в этот момент молился, потому и произошла метаморфоза...»

Двенадцать лет, до самой смерти батюшки Антония, Валера был его духовным чадом.

Глава четвёртая

Молитва за самоубийцу

Один из вопросов, который беспокоил Валеру и с которым обратился к бабушке Антонию, – самоубийство дяди Славы.

Дядю Славу Валера любил, в детстве мечтал быть таким же весёлым, общительным, всё умеющим. Когда дядя по праздникам приходил к ним в гости, дом наполнялся счастливой кутерьмой, музыкой басистого голоса. Все заряжались от дяди Славы улыбочивым настроением. Он мог надеть фартук и помогать женщинам на кухне. А то устроит соревнование с Валерой, кто больше подтянется на турнике, над дверью закреплённом. Или возьмёт гитару племянника. Дядя хорошо пел романсы, мастерски фотографировал, отлично готовил, был на ты с компьютерной техникой, только-только входившей в обиход. По-мальчишески любил что-то новое, и, чем бы ни начинал заниматься, «копал до золота», как сам говорил. И Валеру учил: «В любом деле, если берёшься, добивайся результата на пять с плюсом! А уж на твёрдую четвёрку всё можно освоить».

Сломали дядю Славу девяностые годы. Валера сразу вспоминал дядю, когда слышал, «не будь девяностых со всеми их издержками, жертвами, не возродилось бы православие в России». Получается, дядя Слава – одна из жертв этого возрождения. Дядя открыл предприятие, всё-то у него (как всегда) получилось, умел считать на несколько шагов вперёд, а споткнулся на кредите. Взял его, вложил в дело, но вовремя отдать не смог. Не имеющие страха Божия люди придумали много схем отъёма денег и бизнеса, одну из них применили на дяде Славе. Оказавшись в тупиковой ситуации, дядя разрешил её не в своей манере – повесился.

Валера очень скорбел, но, рассуждая о поступке дяди Славы, считал, поступил он правильно: погиб, защищая семью, она бы оказалась на улице. Своей смертью обрубил концы и сохранил квартиру жене и двум дочерям...

Так Валера думал, пока не узнал об отношении церкви к самоубийцам.

Тогда-то вспомнил один из приходов дяди Славы к ним. За столом дядя весело рассказывал о спиритических сеансах, которые устраивали в молодости. После института работал два года на ремонтном заводе в небольшом городке. Организовалась компания, как дядя говорил, – «молодёжь-холостёжь из местной интеллигенции». Хирург, только-только после медицинского института, школьная учительница иностранных языков, корреспондент местной газеты и преподаватель музыки в педучилище. «Собирались по праздникам чаще на квартире у учителя физики, – рассказывал дядя Слава, – жена у него работала инструктором в райкоме комсомола, детей не было, а квартира большая. Выпивали, пели, танцевали. На дни рождения устраивали поздравительные спектакли, мы их называли рок-операми. С песнями, танцами, переодеваниями. Веселились от души. Как-то корреспондент предложил устроить спиритический сеанс. И ведь получилось вызвать духа, изрядно пощекотали нервы. Недели через три был день рождения учителя физики. Как не собраться. И снова захотелось спиритического сеанса. Вызвали духа, не помню кого, а он мне говорит: пойдёшь мимо кладбища – я тебя задушю. Воспринималось всё на уровне дурачества, но идти мне домой на самом деле мимо кладбища. Было это до снега, конец октября, темень, как в подполье, подхожу к кладбищу, и такая жуть навалилась, ничего с собой поделывать не могу, знаю, ерунда на постном масле, а хоть обратно возвращайся. Ужас сковал. Кое-как собрался с духом и рванул. Летел, будто за мной с топором гнались. Мокрый с головы до ног прибежал домой, пот ручьями, сердце горлом выскакивает. Больше с той поры в духов не играл».

Повесился дядя в дальнем углу парка, граничащем с кладбищем.

Узнав об отношении православия к самоубийцам, Валера ещё раз остро пережил смерть дяди. Мысль об участии души дорогого человека не выходила из головы. Хотелось помочь ей, но как?

Однажды в обеденный перерыв задремал на работе. Положил голову на стол и оказался в темноте, хоть руками раздвигай – плотная, густая, давящая. Сквало удушьё. И пришло понимание: здесь находится душа дяди Славы. И ему, Валере, дано понять, что чувствует душа самоубийцы. Валера не мог вдохнуть полной грудью, набрать в лёгкие воздуха, словно много-тонный груз водрузили ему на грудь. Душа, изнывая под тяжестью, желала вырваться из темноты. Туда, где за стеной мрака спасительный свет. Там люди, радость, счастье, там Бог. Она молила Бога простить её. Но молитва вязла в густой, как расплавленный гудрон, темноте.

За дверью в коридоре раздались громкие шаги, зашумел пылесос. Валера поднял голову, протёр ладонями, будто умываясь, лицо, лоб. Вспомнил только что увиденное. Решил для себя: ему показано, где находится страдающая дядина душа.

От кого-то из знакомых услышал про канон «За самовольно жизнь скончавших». Но без благословения читать его нельзя: ты делаешь вызов сатане. Спросил батюшку Антония:

– Благословите читать.

– Я на себя такое взять не смогу, – ответил батюшка.

– Может, отец Владислав на себя возьмёт?

Валере говорили, что есть батюшка Владислав, который молится по самоубийцам и по нерождённым младенцам.

Батюшка Антоний разрешил:

– Ну, попробуй, может, на самом деле отец Владислав благословит.

В православном магазине Валера спросил канон «За самовольно жизнь скончавших», на что продавец, благообразная пожилая женщина, прочитала целую лекцию предупредительного характера. Будто заранее готовилась к встрече. Пафос её монолога – читать канон крайне опасно. Можешь сам пострадать и на ближних накликать беду.

«То ли часто к ней обращались по этому вопросу, – рассказывал Валера о визите в магазин, – то ли я удачно попал. Протянула руку и тут же достала книжечку, в которой была статья о священнике, который ещё в советское время отчиткой бесноватых занимался. Сам-то жил в чистоте и святости. Враг ему ничего сделать не смог, но на ближних отыгрался. У священника ребёнок стал инвалидом, обезножел, на коляске передвигался. Загрузила меня продавец: “Самоубийца – рабочая лошадь сатаны, безропотная, бесправная. Так просто дьявол ни за что не отдаст её”. Что интересно, отец Владислав легко благословил меня читать канон. Продавщица столько страхов поведала, он с ходу разрешил. Я начал молиться, тут же мама сломала руку, на работе у меня пошли неприятности. Поди знай, с каноном связано или совпадение, я решил для себя: в период чтения канона следует усиленно молиться за ближних. Заказывать молебны тем, кто не воцерковлён. Кто воцерковлён – плюс к молебнам записки подавать на проскомидию. Так и делал».

Глава пятая

Поиск места

В первую нашу встречу на православной ярмарке Валера рассказывал:

«От батюшки Антония впервые услышал: многое говорит о том, что живём мы в преддверии апокалипсиса. Скажу честно, с недоверием к его словам отнёсся. Но начал изучать этот вопрос. Узнал, что о последних временах говорят современные афонские монахи, жившие в XX веке святые, – преподобные Иосиф Исихаст, Лаврентий Черниговский, Серафим Вырецкий, Кукша Одесский, Паисий Святогорец. Батюшка Антоний предупреждал словами апостола: нельзя участвовать в делах тьмы. Нельзя делать уступку дьяволу – принимать систему тотального контроля за человеком, систему идентификации личности, которая в конечном итоге ведёт к принятию начертания на руке или челе, о котором говорится в «Откровении Иоанна Богослова». Отказавшийся от этого, будешь лишён в последние времена возможности пользоваться деньгами. Как выживать? Батюшка не настаивал, не требовал – советовал: “Лучше подготовить спокойные места для себя, своих семей. Сколько у нас деревень полуживых, где можно купить хорошие недорогие дома, огородами заниматься, скотину держать”. Так говорил батюшка. У Паисия Святогорца прочитал: “Три с половиной года будут тяжёлыми. Тем, кто не согласится с этой системой, придётся нелегко. Их будут стараться засадить в тюрьму, постоянно находя для этого какой-нибудь новый повод. Мучить таких людей они не будут, однако, не имея печати, человек не сможет жить. “Вы страдаете без печати, – скажут они, – а если бы вы её приняли, то трудностей у вас бы не было”. Поэтому, приучив себя уже сейчас к жизни простой, умеренной, можно будет пережить те годы. Иметь маленько землицы, возделывать немного пшенички, картофеля, посадить несколько масличных деревьев, и тогда, держа какую-нибудь скотинку, козочку, несколько курочек, христианин сможет пропитать свою семью. Потому что от запасов пользы тоже немного: продукты долго не лежат, быстро портятся...”»

Валера и ещё несколько духовных чад отца Антония озадачились найти отдалённую деревню, купить дома. «Да будут чресла ваши перепоясаны и светильники горящи», – говорится в Евангелии. Батюшка рассказывал про Таёжку. Он был первым настоятелем храма в селе, когда в конце восьмидесятых передали его епархии. Таёжка тогда ещё не начала разъезжаться, не скатилась в пьянство и повальную безработицу, ещё существовал колхоз.

– Остался бы в Таёжке с великим удовольствием, – вздыхал батюшка, – выйдешь утром, а на острове журавли курлыкают. До того на сердце светло станет. Рассчитывал: это моё последнее земное пристанище, здесь отойду ко Господу. Да владыка забрал к себе. Ты, говорит, в городе нужнее.

Валера был самым активным из духовных чад батюшки, кто задумал найти уединённое место. Настроился переехать в деревню на постоянное жительство. Сотоварищи планировали дачный вариант, этакую базу, которую можно при надобности использовать по полной. Валера решил провести разведку боем. Испытать себя, научиться жить на земле.

В процессе поисков подвернулось несколько заманчивых мест. Какие-то, помаячив радужным светом, отпали. Один вариант по всем параметрам подходил: отдалённое от губернского города село, храм, работа при нём. Крупный предприниматель построил в родной деревне церковь. Понадобился староста. Да среди местных ни одной подходящей кандидатуры, чтобы непьющий, отличался бы деловыми качествами и православный. Настоятель храма, иеромонах Николай, служил в субботу всенощную, в воскресенье – литургию, в остальное

время жил в монастыре за сотню километров от деревни. Предприниматель хотел иметь человека, постоянно находящегося при церкви.

«Ты будешь в шоколаде, соглашайся», – говорил отец Николай Валере.

Валера пошёл за благословением к отцу Антонию.

– Попробуй, – сказал батюшка.

И согласился проехаться с чадом, посмотреть место, церковь, но в назначенный день слёг с температурой. Валера с Аркадием Бережным, тоже чадом батюшки и тоже горевшим покупкой дома в деревне, заехали за батюшкой, а у того температура тридцать девять.

– Езжайте без меня, – благословил.

С отцом Николаем договорились встретиться в здании епархиального управления. Валера с Аркадием приехали на машине последнего, отец Николай звонит: «Непредвиденное крещение, и не откажешься, послушание от игумена, подождите часика два». Через полтора часа новый звонок от отца Николая: «Сегодня не смогу, давайте в другой раз». Потом и вовсе от своего предложения отказался, предприниматель нашёл другого человека на роль старосты.

С ходу понравился Валере вариант с Баженовкой. Дом стоял в лесу и в то же время в двух километрах от Баженовки. Да не дом, вилла – триста метров жилой площади. Пять минут ходьбы, и ты на крутом берегу лесной реки. За лентой воды луга простором дышат, тайга уходит к краю неба.

Дом строили Елена и Александр, поначалу даже вознамерились домашнюю церковь сделать, да владыка не благословил. Елена – моторная женщина – инженер-строитель. Причём не в белых перчатках: надо – мастерок возьмёт, кладку вести, надо – будет штукатурить стены или плиткой облицовывать. У мужа были серьёзные проблемы с позвоночником, строительство дома хозяйка вела одна. Где людей нанимала, где сама. До деревни работала прорабом в строительной фирме, даже храмы приходилось поднимать.

Валере глянулось всё, кроме одного – не по карману.

– Ты не переживай, – говорил Аркадий, – главное – вместе. Я квартиру, что от бабушки осталась, продам. Может, кто из наших присоединится. Домина не на одну семью. Деревня рядом, в ней церковь.

– Мне бы комнатку какую, с головой хватит. Что там мои сто тысяч рублей.

– Главное, чтобы вместе, – повторил Аркадий.

В разговоре Валера спросил хозяев дома: почему в лесу отстроились, не в Баженовке?

Елена честно рассказала, что деревня воинственно настроена против пришлых. Да и между собой неладно живут. Пристрастие к самогонке и водке – не самое страшное, где в деревнях не пьют. Вороватые. Ничего не стоит утянуть у соседа, что плохо лежит. И на хорошо лежащее зарятся. История села знает немало битв с дреколем и членовредительством. Все лесные уголья вокруг Баженовки негласно строго поделены: ягодные, грибные места, озёра... Там ивановский берег, в этом озере Петровы ловят... Не приведи Господь быть застуканным на чужом участке, запросто могут до полусмерти избить. Приехала в Баженовку порядочная семья с Сахалина. Всё пришлось по душе сахалинцам, вознамерились осесть в живописных местах, дом купили, пришло им два контейнера со скарбом. В ту же ночь местные подожгли содержимое контейнеров. Что оставалось делать новосёлам? Отбыли подальше от такого соседства.

Елена с Александром поначалу тоже купили дом в Баженовке. Их не жгли, на демократической основе Александра выбрали главой администрации. Руководи, дескать, нами, мил человек. Выбрали, если честно сказать, дабы между собой не переругаться. Выбрали, да потом принялись выживать. Не вписался чужак в баженовские уставы.

«Устали с ними судиться», – рассказала Елена.

В конечном итоге оформили участок земли за деревней, навозили двадцать КамАЗов песка и построились. Получилось как в санатории. Лось может подойти к огороду, грибы в

десяти метрах от усадьбы, черника с брусникой в шаговой доступности. Пчёлки летают – пасека за домом.

– Надо брать, – говорил Аркадий по дороге из Баженовки. – Райский уголок.

Приехали к бабушке Антонию с докладом, он послушал-послушал восторженные речи духовных чад и отрезал:

– Не благословляю.

– Почему? – хором выдохнули Валера с Аркадием.

– Жизни вам с такой деревней под боком не будет!

Таёжка смущала отдалённостью, дорога до неё мало того, что длинная, на ней имелся участок в полсотни километров, совершенно убитый, причём с годами ситуация лишь усугублялась, в непогоду дорога окончательно делалась бездорожьем, непроходимым для легкового транспорта. Кроме того, имелась паромная переправа, а значит: весной с таяньем льда и осенью при ледоставе – переправы никакой.

И всё же остановились на Таёжке.

Глава шестая

Андрюшин крест

Таёжка начиналась для входящего в неё с Поклонного креста, что стоял перед полноводным ручьём, испокон века служившим границей, минуя которую житель или входил в пределы села, или покидал их. Через ручей переброшен мост, ступая на который сердце таёжkinца или охватывала радость от встречи с домом, или погружалось в печаль от предстоящей разлуки с родным краем.

История креста восходила к Первой мировой войне, весть о которой быстро долетела до села и пала чёрной тенью. Крепко жила Таёжка. Да и вся округа. Дома как на подбор, строевого леса вокруг сколько душе угодно, только не ленись, а лениться сибирский крестьянин не умел. В каждом хозяйстве лошади, коровы, немерено живности, которая мекала, бекала да кукарекала. Сеяли хлеб, рыбачили, охотились.

Вдруг война, бросай, мужик, плуг, прощайся с родными и отправляйся защищать веру православную, Отечество да царя-батюшку.

Двадцатипятилетний Андрей Бекасов вышел на крыльцо, окинул взглядом двор, не к чему было придраться, оставлял хозяйство в лучшем виде. Четыре года назад поставил этот пятистенок, амбар, стайки, конюшню. Всё добротное, ладно, глаз радует. Пороха Андрей не нюхал, но знал по рассказам стариков – «война не мать родна». Дядя вернулся с Японской без ноги, ходил на деревяшке.

Провожать Андрея за ворота вышли жена, мать с отцом, двое ребятишек. С матерью и отцом простился у калитки, жена с ребятишками пошли дальше. У моста Андрей, прежде чем обнять жену, сказал: «Вернусь живым, поставлю здесь крест в благодарность Богу». И наказал своей Ираиде: «Скажи отцу, чтобы приготовил листовяжное бревно, пусть ждёт своего часа».

Провожатые остались у моста, мужики попрыгали в телеги и поехали в уезд к месту сбора.

Тяготы войны испытал Бекасов сполна. В Галиции контузило, попал в плен. С третьей попытки удалось бежать. Шёл 1917 год, на фронте началась неразбериха. Андрей подумал-подумал и направился в свою Таёжку. Полгода добирался. Высокий, широкоплечий, большой человек шёл по большой и красивой, но охваченной смутой земле. Ночевал в деревнях, в лесу, в стогах сена. Бог миловал его на войне. Сидели втроём, ели кашу из котелков, вдруг снаряд упал рядом, двоих насмерть, в том числе Кондрата Черникова из их Таёжки, а ему ни царапинки. В другой раз засыпало землёй после взрыва снаряда, под землёй бы и остался. Но лицом оказался в углублении, мог дышать, очнулся, ногами стал шевелить, по ногам и приметили – живой. Мать, провожая на войну, вручила медную икону, Николая Угодника, на груди её носил. Ударило однажды в грудь, думал всё. А только и всего образок пулей, что в сердце метила, погнуло.

Обещание Богу поставить крест засело в нём прочно. Отмахивая вёрсты по дороге к дому, представлял себя идущим по селу с крестом на плече. Как бы ни было тяжело, крест на телеге не повезёт. Нести не так уж и далеко, труднее всего первая половина пути – от дома дорога шла в горку, к церкви, зато потом – под уклон.

К мосту Андрей подошёл под вечер, перекрестился на церковь, постоял, вслушиваясь в вечернюю Таёжку. Мычали коровы, брехали собаки, вдруг женский визгливый голос перекрыл все звуки: «Федька, да куды ж ты запропастился, иродяка?»

Из цельной листовенницы вырубил Андрей брус, выгладил его рубанком, украсил незамысловатой резьбой. Стояли последние дни сентября, светили золотом берёзки, листовенницы

охватило жёлтое пламя. Андрей посадил на деревянные шипы перекладины креста, укрепил над двумя верхними голубец – крышу. На следующий день рано утром открыл ворота, повернулся в сторону церкви, перекрестился, затем приподнял верхний конец, взвалил крест на плечо и понёс голубцом вперёд. Жена всплеснула руками:

– Андрюша, давай помогу.

Отогнал:

– Не мешай!

С той поры пошло в селе «Андрюшин крест». «Только с моста съехал и сразу за Андрюшиным крестом воз перевернулся», «Встретились у Андрюшиного креста», «Покурил у Андрюшиного креста и зашагал домой».

Судьба у Андрюшиного креста сложилась счастливо, пережил все богоборческие времена. В тридцатом году закрыли храм в Таёжке. Священника отца Никодима арестовали, увезли со связанными руками и растерянным лицом, а потом и расстреляли. Ретивый комсомолец Гришка Иванченко вознамерился спилить крест, да мужики-охотники шепнули: «Ты, поди, Гришаня, слыхивал, бывает, человек заналадится в тайгу, уйдёт, и как в воду канул. Уж как его сердешного не ищут, как ни выкликают. Никакой милицей концов не найдёт, так что смотри, паря». Гришка был не настолько с ветром в голове, намёк понял. Устоял Андрюшин крест.

Во времена хрущёвские председателю сельсовета районные власти ставили на вид, что это за безобразие, вся страна идёт к коммунизму, а в Таёжке крест тормозом торчит на пути в светлое будущее. Требовали убрать препятствие в коммунистическое завтра. Председатель сельсовета не отличался красноречием, однако твёрдо держался своего: «Не я его ставил, люди не против». Благо в медвежий угол начальство редко заглядывало. А если и заносило, председатель встречал более чем хлебосольно, было чем угостить в богатом краю. Провожая высоких гостей, умел гостинцев в виде лосятины, рыбы, кедровых орехов, соболиных шкурок поднести. Так что самовольство с крестом прощалось ему. Более полувека стоял Андрюшин крест. Подгнил и упал только в конце шестидесятых годов.

В 2004-м в честь девяностолетия начала Первой мировой войны родственники Андрея Бекасова, внук и правнук, поставили новый крест. Пусть не сами рубили, не на руках доставляли на место, а всё одно почтили память деда-прадеда Поклонным крестом. Водрузили его несколько в стороне, так как над местом, где полвека возвышался Андрюшин, прошла линия электропередачи. Новый размером поскромнее, Андрюшин – шестиметровой высоты, этот – на полтора метра ниже. Тоже из лиственницы. Так что ещё лет пятьдесят простоит. Только бы Таёжка простояла.

Глава седьмая

Жили у бабуся два весёлых гуся

Пасмурным, насупившимся февральским днём Валера с Аркадием подкатили к Поклонному кресту. Перекрестились и поехали дальше. Цель приезда – покупка домов. Друзья благополучно её осуществили и стали владельцами недвижимости в Таёжке.

Через месяц Аркадий помогал Валерию переселяться. Сам он планировал летом обживать свой дом, Валера ехал на постоянное жительство. На этот раз Таёжка встретила щедрым мартовским солнцем. Однако щедрость небесного светила радостных чувств не вызвала. Дорогу порядком развезло, доехать до Валериного дома на «жигулях» не получилось, выгрузили вещи на обочине. Лужи, снег, а посередине всего этого диван ярко-красного цвета, на нём Валера с Аркадием сидят в ожидании трактора, вызывая живой интерес у редких прохожих.

Валера и Аркадий купили дома на дальнем краю села, который в последние годы смотрелся хутором.словно в один прекрасный или какой там момент домов двадцать, стговорившись, разом снялись и на пару километров ушли поближе к реке, которая в том месте делала поворот, навсегда уходя в тайгу. На самом деле ещё в шестидесятые годы прошлого века правильная улица с домами по обе стороны «пуповиной» соединяла Выселки (так в народе звали дальний край села) и Таёжку. Но «пуповина» стала со временем ослабевать, хиреть. Забивались ставни в её домах, или их раскатывали и перевозили в другое место. В результате Выселки на самом деле стали таковыми.

В них на юру Валера приглядел хороший дом. Рядом приобрёл жильё Аркадий.

Жить Валера решил хозяйством. Для себя и на продажу. Других доходов у него не имелось, поэтому в планах было завести живность, сажать картошку, другую огородину и заняться пчёлами... Жизнь сложилась так, что был он в ответе только за одного себя. Сила в руках имела, голова на плечах тоже. Не крестьянская, да как капуста с моркошкой растёт знал по бабушкиному огороду, даже привлекала пчёлку обихаживать. В конце концов готовыми агрономами не рождаются. Учиться можно по ходу дела, книжки читать, за советом к умным людям обращаться. Был Валера ещё полон романтики и розовых представлений.

Хозяйство повёл с размахом, без раскочки: гуся, быки – всё в большом количестве, огород в тридцать с гаком соток, чтоб ни миллиметра не пустовало. Ну и по мелочёвке – десятка полтора куриц, пару козочек.

Гусей взял инкубаторских, суточных, майских. Масштабы не как в песне «Жили у бабуся два весёлых гуся», покруче арифметика – сто штук. Отвёл в доме угол пернатым, сделал загородки и разделил на две группы по пятьдесят голов в каждой. Живите, так сказать, нагуливайте вес. Вместо этого начался падёж. Как потом узнал, самой первой допущенной ошибкой было неправильное формирование групп. Оптимальный вариант – десять штук в подразделении. Это позволяет избежать феномена толпы. Крохам тепло требуется. Лампы круглосуточно горят, всё одно мёрзнут, сбиваются в кучки, собственными градусами согреваясь. Как сбивались, одного-двух бездыханных вытаскивай. Позже Валере подсказали способ обогрева: плюс к лампам тёплая вода в полторашках, малыши облепят бутылки... Кормёжка через два-три часа. И опять гляди в оба, как бы не задавили кого в обеденной кутерьме. Собственно, смотри не смотри – задавят. Спать приходилось урывками.

Гусята и спали шумно. Вроде угомонились, а всё одно постоянно бормотание из их угла, будто что-то там варится. И через каждые два часа начинается ор: жрать давай!

«В гусыню рядом с ними превратился, – смеялся Валера, – только что крыльями не бил».

Кормил пушистые шарики смесями, яйца варил и крошил, рвал молодую крапиву – лакомство для цыплят.

Ещё одна напасть – вороны. Валера, по своей городской наивности, считал, вороны падкие лишь на то, что блестит. Этакие эстетки с крыльями. Оказывается, это самые настоящие стервятники, которые воруют яйца из птичьих гнёзд, рыбу, стоит оставить её без присмотра, и гусят. Когда последние при родителях, вороне сложно свою кровожадность потешить, лишь вознамерится, взрослые гуси малышей окружают кольцом, шеи над ними палаткой вытягивают. Если ворона наберётся наглости спикировать за нежной добычей, так получит от вожака клювом (а клюв, что твоё зубило), что едва-едва уносит голову с места конфликта. Валере некогда было, распростёрши руки, над своим поголовьем стоять, он зорко следил за нежным поголовьем, когда находилось оно под небом голубым – во дворе. Правит какое-никакое дело, сам косит глаза на ворону-стервятницу. Та обязательно поблизости крутится – или совершает высокие обзорные облёты территории, или на ветке сосны, что в углу двора, сидит и делает вид – у неё ни капельки интереса до Валериного хозяйства нет, ей без того есть чем заняться. На самом деле хищница с индифферентным видом выжидает воровской момент – стоит гусыне-Валере скрыться со двора – начинается резня. Валера заскочит в дом на короткую минутку, перекусить, чайку попить... А у самого сердце не на месте. Гусята частой сеткой накрыты, но вдруг... Сорвётся, гонимый нехорошим предчувствием, выскочит на крыльцо, а «вдруг» уже нашла дырочку в сетке над загоном. Ворона не одна вместе с воронятами в гусятнике зверствует. Натуральное побоище идёт: у одних гусят головы оторваны, у других из разодранных грудок ворона внутренности по-хозяйски клювом достаёт. Бойня. Тушки, головы валяются, живые гусята в угол обречённо забились...

Коршуна Валера однажды подстрелил, на конец высокого шеста привязал, водрузил шест торчком у забора в устрашение другим пернатым разбойникам. Никакого воздействия это не поимело, никого не испугало. Гусята подросли, грузоподъёмности у вороны не хватает унести упитанного гусёнка со двора. Воровку это не останавливает. Наоборот, добавляет охотничьего азарта – спикирует на жертву, голову в остервенении оторвёт...

Из ста гусей осталось в оконцовке шестьдесят. Местные считали, вполне нормальный процент падежа, Валера был не согласен. Ладно, ножки слабели, хворь одолела. Естественный отбор, тут ничего не попишешь. Но, когда здорового затаптывали сородичи или клюв вороны-воровки лишал жизни, это нормальным явлением назвать не мог...

Валера любил с гусями, курицами разговаривать. Мама его приехала первый раз в Таёжку. Всё-то ей понравилось: и дом, и то, как ведёт сын хозяйство. В огороде порядок, со скотиной как настоящий сельский мужик управляется. Мама родом из села, знает, что к чему. Казус случился день на четвёртый. Вышла на крыльцо, и похолодело сердце от звуков, доносящихся из сарая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.